

А. Ф. ФИЛИППОВ

Распутствующие¹

Целая книжная литература создалась около «старца» Г. Е. Распутина, которому насчитывается не более 42 лет, и ворох статей «очевидцев», и «хорошо осведомленных газетных сотрудников» появляется регулярно относительно деятельности старца и его якобы необыкновенного и даже необъяснимого влияния в высоких сферах. По проверке оказывается, что книги с разоблачениями составляются неизвестными авторами, упорно старающимися скрыть от потомства даже свое имя, не говоря о происхождении, а газетные сотрудники обладают даром личной беседы с отсутствующим из Петербурга Распутиным.

Недавнее сообщение «Вечернего времени» о том, что поднятое в Синоде дело об отношении епископа Феофана к учению иеросхимонаха Булатовича о божественном имени «Иисус», которое вызвало раскол в Старом Афоне, это дело рук Распутина, который сводит таким путем свои личные счёты с епископом Феофаном.

По словам М. Ф. Паозерского, никто иной, как епископ Феофан выдвинул в сферах Распутина, но впоследствии, получив документальные данные об отрицательной стороне деятельности своего протеже — «старца», написал об этом его покровителям. Тогда Распутин будто бы «принял меры», и владыку, под предлогом поправления здоровья, перевели в Крым, а затем в Астрахань, климат которой для него был губительным. «Но подобно Гермогену, повествует сотрудник “Вечернего времени”, епископ Феофан остался непреклонен, и во время выступлений Гермогена против Распутина он поддержал владыку». В 1911 году, по сообщению «Вечернего времени», Распутин демонстративно покинул помещение Гермогена, а уж в январе 1912 года епископ был лишен кафедры и заточен в монастырь. В ноябре того же года был лишен

---

¹ Печатается по: Дым Отечества. 1913. № 25 (20 июня). С. 7–8.

сана Илиодор: «теперь дошла очередь до епископа Феофана», многозначительно говорит г. Паозерский, «судя по примерам двух друзей Распутина, и его ожидает печальный конец...».

Решительно сомневаешься, не покупает ли кто-либо из приверженцев Распутина статьи с подобного рода содержанием. До того они пахнут какой-то беспардонной рекламой «старца» и стремлением представить его вершителем судеб в сферах, куда не каждый имеет доступ и где слово даже выдающихся по уму и влиянию лиц нередко остается без внимания.

Для нас, впервые допустивших мысли Распутина на страницы и правдивое отражение его личности в виде заметок, конечно, могло бы быть привлекательным и отчасти выгодным изображение «старца» именно в виде великого вершителя судеб России, стоящего вне пространства, времени и условий, всех нас связывающих. Согласиться с тем, что Распутин может сделать и что его влияние безмерно велико — значило бы явиться в некоторой степени соучастниками распутинского успеха и во всяком случае толкователями его пророчеств. Такую роль, кстати сказать, отвел «Дыму Отечества» в своей речи с думской кафедры и П. Н. Милюков.

Но нам представляется, что и газетным романтикам, а тем более думским, следует спуститься с заболоченных высот фантазии и смотреть на вещи трезвее и реальнее.

Правда, оголенная скучная действительность требует смены чем-либо необыкновенным, уносящим воображение в туманную, красочную даль во вкусе романов Габорио. Поэтому-то, может быть, придумываются и растленные похождения «старца», и ночные совещания с ним у Гермогена в присутствии Мити-блаженного, и небывалая сцена проклятия... Все это, однако, не имеет под собой не только капли правды, но и какой-то ни было почвы.

Распутин — обыкновенный русский мужик, экзальтированно-умный, чистоплотно-чистый, заботливо-трудолюбивый и, главное, не прерывающий своей связи с простым народом и потому-то сильный в народе, и в сферах, которые близки народу или дорожат им. Вот нехитрая разгадка внимания к этому человеку, каких в русском народе найдутся десятки и сотни тысяч, но которых не выдвинула судьба и только случай не сделал предметом усиленного внимания.

Несомненно, что у Распутина повышенная чуткость и культура доброго старого времени, которое давало нам крестьянина, по тонкости восприятий равного барам, иначе этот полуграмотный мужик давно оттолкнул бы от себя представителей высшей аристократии, которых не часто приходится встречать. Что это личность необыкновенная,

стоящая выше ряда пророков в рясах и пророчествующих в мундирах, — это также несомненно. Иначе Распутин не служил бы предметом бесконечных разговоров и обсуждений не только в доносах Гермогена или Феофана, но не играл бы роли и как материал для выводов в речах почтенного П. Н. Милюкова.

Однако придавать ему столь исключительное политическое и государственное значение непозволительно. Распутин играл и играет в истории нашей общественности крупную роль, сделавшись, к сожалению, предметом уличных обсуждений только в последние два года, хотя он приобрел доступ в высшие сферы и круги более семи лет тому назад. Влиянию его чисто личному, далекому от соображений политических и тем менее интриг, есть объяснения не мистические и менее всего религиозно-сексуального характера, на что напирает наша духовная среда, где грязь, зависть, сплетни и интриги свили себе прочное гнездо, — но преувеличивать и это влияние до возможности для Распутина заточить Гермогена, удалить Феофана, высылать из столицы Илиодора не следует даже газетчикам вечерних газет.

Нужно им помнить, что, проводя подобные сведения в публику, они делают плохое дело: можно подумать, что в России нет уже ни законности, ни здравого смысла, ни примитивной честности. Но неужели гг. Милюковы, посвящая свои речи Распутину, не замечают, что они доходят до признания собственного ничтожества, а газеты, подобно «Вечернему времени» представляются орудием усиленной рекламы Распутина, человека в действительности скромного и довольно ограниченного в своем влиянии и могуществе. Вся сила его заключается в вере и благотворении, да христианских подвигах добродетели, не показной, не крикливой, но такой, которая, очевидно, является редкостью для критикующих этого человека деятелей нашего времени.

